

УДК 321.02

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА ПРОБЛЕМЫ
ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ**

С. А. Пфетцер

**THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASES OF ANALYZING THE PROBLEM OF
POLITICAL PARTICIPATION**

S. A. Pfetser

В статье анализируются современные определения понятия «политическое участие», описываются основные этапы его становления в качестве самостоятельной категории политического анализа, характеризуются основные теоретические подходы к выделению его форм и уровней. Аргументируется модель исследования политического участия, включающая оценку его содержательных показателей – уровня институционализации, активности и конвенциональности, а также детерминирующих их политических, социальных и индивидуально-психологических факторов.

The paper addresses analysis of the contemporary definitions of the concept of «political participation», the main stages of its formation as the independent category of political analysis are described, the main theoretical approaches to allocation of its forms and levels are characterized. The model of research of the political participation, including the assessment of its substantial indicators (the level of institutionalization, activity and conventionality) and determining their political, social, individual and psychological factors is reasoned.

Ключевые слова: политическая активность, политическое поведение, политическое участие.

Keywords: political activity, political behavior, political participation.

Политическая социализация, выступающая важной составляющей социализации нового поколения как процесса усвоения социальных норм и ценностей, представляет собой политическое самоопределение молодежи по отношению к общественным и государственным институтам, институтам власти, к частной или общественной собственности, выражающееся в предпочтении того или иного типа общественного устройства, формы правления, различных социальных систем и заключающееся в итоге в формировании политического самосознания. Формой проявления политического самосознания выступают общественно-политические феномены, обозначаемые разными авторами как политическая активность, политическое поведение, политическая деятельность, политическое участие и т. д.

Точное разграничение этих понятий представляет серьезные методологические затруднения, зачастую они определяются одно через другое или же вообще понимаются как синонимичные. Наиболее общей категорией в данном ряду представляется такое понятие, как «политическое поведение», имеющее весьма широкое смысловое наполнение: по словам Е. Б. Шестопал, «в политической науке под термином “политическое поведение” понимают как действия отдельных участников, так и массовые выступления, как активность организованных субъектов власти, так и стихийные действия толпы, как акции в поддержку системы, так и направленные против нее. Более того, голосование «против» или неявка на выборы тоже трактуется как формы политического поведения» [25, с. 123]. Говоря о взаимодействии между политическим поведением и смежными понятиями, Е. Ю. Мелешкина отмечает, что «в отечественной политической науке для описания феномена политического поведения используются такие понятия, как «политическое участие», «политическая активность», «поли-

тическая деятельность». При этом эти понятия часто не разграничиваются и не определяются вообще. Большинство попыток определить эти понятия является недостаточно удовлетворительными: в их результате не создается целостной картины политического поведения, способной послужить основой для операционализации этого понятия» [15].

Наиболее часто политическое поведение связывается с политическим участием. Так, по словам М. Р. Холмской, «понятие "политическое участие" рассматривается как один из основных элементов, составляющих содержание категории "политическое поведение"» [23, с. 171]. Несмотря на близость этих дефиниций, «политическое участие» все же чаще понимается как более узкое и конкретное понятие, имеющее ряд отличительных особенностей, выделяющих его из круга феноменов, охватываемых категорией «политическое поведение». По нашему мнению, можно отметить как минимум три аспекта, сужающих и ограничивающих понятие «политическое участие» в рассматриваемом контексте:

- политическое участие противопоставляется неучастию или абсентеизму (политическому бездействию), которое также рассматривается как форма политического поведения;

- под политическим участием имеется в виду только политическое поведение личности, в отличие от других форм политического поведения, представляющих проявление активности других субъектов политики, например, больших групп или общностей;

- политическое участие понимается как осознанная, рациональная форма политического поведения, противоположная бессознательным, стихийным действиям, продиктованным неосознанными или же частично осознанными мотивами.

Таким образом, «политическое участие» является самостоятельным политологическим понятием, имею-

щим собственное содержание. Тем не менее, как показывает в своем аналитическом исследовании М. Р. Холмская, «по общему признанию исследователей, ни в отечественной, ни в зарубежной современной научной литературе не существует однозначного определения понятия "политическое участие"» [23, с. 170]. Э. Клюенко также констатирует, что до настоящего времени «как в зарубежной, так и в отечественной литературе не существует общепризнанного, "канонизированного" определения категории "политическое участие"» [11, с. 56].

В большинстве существующих определений политического участия акцент делается на его цели – влиянии или воздействии на выбор политических деятелей, на принятие решений, на политическую систему в целом. Так, Г. Алмонд и С. Верба определяли политическое участие как «действия частных граждан с целью прямого или косвенного влияния на отбор государственных управленцев и их деятельность» [1, с. 123]. Тем самым под политическим участием понимаются целенаправленные действия обычных, рядовых граждан, для которых участие в политике и управлении не является профессиональной деятельностью. Аналогичное определение политического участия дает Дж. Нагель: «действия, посредством которых рядовые члены любой политической системы влияют или пытаются влиять на результаты ее деятельности» [цит. по: 23, с. 171]. В отечественной политической науке также закрепилось сходное понимание политического участия, которое Д. В. Гончаров определяет как инструментальную активность, посредством которой граждане пытаются влиять на правительство таким образом, чтобы оно предпринимало желаемые для них действия [5]. Соответственно, политическое участие трактуется как инструмент влияния граждан на власть, на формирование ее институтов и их деятельность.

Другой содержательной характеристикой политического участия, часто подчеркиваемой в его определениях, является «вовлеченность», т. е. объективная, деятельная включенность в политическую жизнь, либо личностная, психологическая причастность к политическим процессам, так, Х. Макклоски понимает политическое участие как субъективное «чувство вовлеченности в процессы политической жизни» [цит. по: 23, с. 171]. Однако в большинстве случаев под понятием «политическое участие» все же понимается вовлеченность в те или иные реальные действия. В этой связи Э. Клюенко, выделяя наиболее общие моменты в существующих дефинициях политического участия, определяет его интегративно как «реальные действия, посредством которых граждане вовлечены в политический процесс (отношения) и влияют или пытаются влиять на него» [11, с. 56]. В дальнейшем мы также будем придерживаться данной интерпретации термина «политическое участие».

Интерес к осмыслению форм, причин и результатов политического участия граждан в социально-политических отношениях проявился практически с самого зарождения западной научной мысли. В своей «Политике» Аристотель анализирует влияние различных видов и характера политического участия граждан в делах полиса на государственное устройство и

тип правления. При этом само определение гражданина при демократическом типе государственного устройства он связывает с политическим участием: «лучше всего безусловное понятие гражданина может быть определено через участие в суде и власти», – подчеркивая, что «судьи и участники народного собрания не являются должностными лицами и что в силу этого они не принимают участия в государственном управлении» непосредственно [2, с. 445]. В Новое время политическое участие рассматривается, в частности, при описании политической стратегии (Н. Макиавелли), гражданского государства (Т. Гоббс), принципов разделения властей и форм правления (Ш. Л. де Монтескье), содержания общественного договора (Ж. Ж. Руссо), в трудах многих других философов. В дальнейшем различные аспекты проблемы политического участия отражались в отдельных положениях ряда направлений западной социологии: символического интеракционизма, концепций элит, политических партий, групп давления, в работах представителей чикагской школы и др.

С утверждением политической науки в качестве самостоятельной академической дисциплины на рубеже XIX – XX веков политическое поведение и политическое участие закономерно оказались в круге основных рассматриваемых ей феноменов. Однако в первой половине XX века политическое участие фактически так и не стало предметом самостоятельного социологического или политологического анализа и понималось преимущественно как участие в государственном управлении и выборах. Но уже с середины 50-х гг. данное понятие окончательно приобретает статус научного термина и входит в число базовых в категориальном аппарате целого ряда социально-политических теорий, в частности, в концепциях демократии и политической модернизации. Так, К. Мангейм связывал развитие демократии с увеличением политического участия, по его словам, радикальная активизация участия граждан в политике в так называемую «эпоху преобразований» второй четверти XX века привела к «фундаментальной демократизации общества». Трансформация господствовавшей до этого времени «псевдодемократии» в истинную демократию обусловлена, по его мнению, существенным расширением круга участвующих в политической жизни, возрастанием участия в ней всех слоев общества [14, с. 288 – 289]. В концепции С. Хантингтона [22] понятие «политическое участие» также является ключевым при объяснении процессов политической модернизации в освободившихся странах. По его мнению, рост политического участия в трансформирующихся традиционных обществах определяется возрастанием уровня политического сознания широких слоев населения и проявляется вовлечением в процесс модернизации новых групп населения, находившихся ранее вне социально-политической жизни. В результате интенсивного вовлечения в политику традиционно инертные группы все в большей степени начинают участвовать в жизни общества, проявлять гражданскую и политическую активность.

В контексте дальнейшего развития гражданского демократического общества политическое участие

начинает пониматься как механизм поддержания его стабильности. Соответственно, власть в демократическом государстве сама начинает выступать в качестве инициатора и организатора политического участия как можно большей части общества. Так, М. Фуко видел в стимулировании властью организованного политического участия технологию «дисциплинирования», «нормализации, упорядочивания массы», т. е. средство политического управления [20, с. 237 – 246]. Н. Смелзер также акцентирует внимание на «охранительном», стабилизирующем характере организованного политического участия граждан, не позволяющем демократическому обществу «скатываться в политический хаос или соскальзывать в авторитарные или тоталитарные режимы» [17, с. 6]. Согласно представителям теории структурного функционализма, в частности Р. Мертону, политическое участие также выступает одним из способов поддержки гомеостаза, равновесия социальной системы, важнейшим механизмом «политической машины», обеспечивающей демократию [16, с. 451 – 461]. Подобные же представления находятся и в основе теоретической модели демократии участия, согласно которой граждане имеют реальную возможность влиять на процесс принятия решений властью и активно используют эти возможности. Б. Барбер отмечает, что политическое участие является мощным инструментом, позволяющим «уравновешивать влияние высших социальных классов, а порой и брать над ними верх» [3, с. 237]. Понимаемая таким образом демократия участия является важнейшим фактором политической стабильности гражданского общества и его гармоничного социально-экономического развития.

Соответственно, политическое участие граждан рассматривается как одна из наиболее важных качественных характеристик тех или иных политических систем, а особенности и уровень гражданского участия – в качестве критерия демократичности общества и его стабильности, показателя его политической культуры. В последние пятьдесят лет, начиная с вышедшей в 1963 году работы Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура», особенности политического участия, такие как самооценка гражданами своей потенциальной влиятельности и уровень их реального влияния, признание обязательности участия и реальная значимость и объем участия, используется в качестве показателей политической культуры исторически существовавших и современных обществ. Демократическая политическая культура, согласно Г. Алмонду и С. Вербе, характеризуется определенным уровнем разрыва между этими показателями, способствующим поддержанию баланса между властью правительственной элиты и ее ответственностью, между активностью и влиятельностью неэлитных групп и их пассивностью и невлиятельностью [1]. Рассмотрение особенностей политических систем не только в контексте взаимодействия политических институтов, но и в контексте политической культуры ознаменовало смену методологической парадигмы политологических исследований с анализа институциональных структур на изучение политического участия. Преодоление во второй половине XX века концепции «вторичности» политического участия по отношению

к политической системе и политическому сознанию, интерпретация политического участия как детерминанты их организации и функционирования определили приобретение понятием «политическое участие» статуса самостоятельной политологической концепции.

Концепция политического и шире гражданского участия, предполагающая включение или вовлечение граждан в управление жизнью общества, а также в определенной степени деятельностью государства, тесно связана с другими новыми политологическими моделями. В настоящее время развитие представлений о политическом участии, его дальнейшее осмысление осуществляется, в частности, в теориях публичной политики и политических сетей. «Публичная политика» (Public Policy), понятие которой восходит к различию между «policy» (политикой как политическим курсом) и «politics» (политикой как политическим процессом), подразумевает не только соответствие приоритетов государственной политики общественным ожиданиям и высокую степень взаимодействия государственных и негосударственных структур, но и активное, определяющее участие гражданского общества в разработке, принятии и реализации политических решений [19]. Теория «политических сетей» (Policy Network) включает в процесс выработки и реализации политических решений множество взаимозависимых и равноправных политических, административных и социальных акторов, подразумевая их активное участие в осуществлении политики и государственного управления [10; 13]. В концепциях «делиберативной», «восприимчивой» и «рефлексирующей» демократии Ю. Хабермаса и А. Этциони отмечается изменение отношения государства к участию граждан в политической жизни: государственное управление в условиях постмодерна рассматривается как чуткое реагирование на импульсы и табу, поступающие от общества [21; 26]. Именно такая восприимчивость, готовность государства к диалогу с обществом, определяет значимость политического участия граждан в условиях современной демократии.

Таким образом, в истории становления «политического участия» как категории политологического анализа можно условно выделить несколько этапов: рассмотрение отдельных аспектов гражданского и политического участия в философской традиции (до конца XIX века); исследование проблемы участия в государственном управлении и выборах в политической социологии и политологии (конец XIX – первая половина XX века); использование категории «политическое участие» в качестве самостоятельной научной категории в современных политологических концепциях (со второй половины XX века).

Сложившиеся к настоящему времени направления изучения политического участия, по нашему мнению, достаточно отчетливо распадаются на две основные группы, что проявляется в двойственности самой трактовки данного понятия: как уже отмечалось, в существующих определениях политического участия акцент делается как на его инструментальном характере, т. е. использовании с целью воздействия на принятие и реализацию решений, так и на индивидуальной вовлеченности, деятельной либо психологической

включенности в общественно-политическую жизнь. Соответственно, большинство теорий политического участия можно разделить на две основные группы, отражающие «два стиля мышления об участии»: инструментальные теории и теории развития. Так называемые инструментальные теории, которые рассматривают политическое участие как средство достижения групповых или личных целей, в свою очередь, могут быть разделены на два подхода, различающихся представлениями об основном объекте воздействия: политическое участие как инструмент влияния на правительство и другие органы государственного управления или же как средство воздействия на общество в целом и его систему социально-политических ценностей – подход, по сути расширяющий интерпретацию данного понятия до рамок гражданского участия. Согласно же теориям развития, политическое участие является важным условием развития личности, выступая необходимой составляющей процесса политической социализации и политического самоопределения, и обеспечивает формирование такого качества гражданина демократического общества, как ответственность.

С названными теориями отчасти пересекаются два направления интерпретации политического участия, различающиеся оценкой его желательных масштабов [6]. Приверженцы демократии участия выступают за расширение возможностей участия рядовых членов общества в принятии политических решений, полагая возможным с развитием массовых коммуникаций и образования создать децентрализованную систему участия граждан в политике и, соответственно, перенести принятие многих решений на региональный или местный уровень. В противоположность им сторонники демократического элитизма видят в расширении политического участия угрозу стабильности демократической системы и высказываются за его ограничение участием в выборах, чтобы оставить принятие принципиальных политических решений за теми, кто лучше информирован.

На сходных основаниях Э. Клюенко предлагает созвучное разделение теорий политического участия на «конструктивные», в которых оно наделяется значимым позитивным воздействием на состояние общества, и «критические», рассматривающие его как элемент социально-политической буафории и подчеркивающие разрыв между ожидаемой значимостью и практически нулевой реальной ролью политического участия в обществе [11]. К «конструктивным» теориям автор относит структурный функционализм, представители которого, как уже отмечалось, видят главную функцию политического участия в обеспечении социальной стабильности, а также теорию конфликта, где политическое участие связывается с соперничеством и представляется одним из источников саморазвития и самоусовершенствования общества посредством «упорядоченного», «контролируемого» конфликта. В качестве «критических» рассматриваются интеграционизм П. Сорокина, неомарксизм и другие леворадикальные течения, в которых политическому участию отводится функция создания видимости демократии и власти большинства, мнение которого на самом деле имеет «нулевое значение» [18, с. 343]. В

аналогичном ключе Э. Клюенко интерпретирует и тенденции дальнейшего развития политического участия, разделяя описывающие их концепции на «оптимистические» (теории постиндустриализма; концепции информационного общества) и «скептические» (теории отчуждения; концепции постмодернизма и др.). Следует отметить, что практически все эти «критические» или «скептические» воззрения признают тем не менее определенную эффективность влияния политического участия на развитие общества или на его стабильность и скорее негативно оценивают актуальное или будущее состояние последнего, чем подвергают критике сам феномен политического участия.

Итак, как следует из приведенного анализа, к настоящему времени политическое участие закрепилось в качестве если не основной, то достаточно важной категории современных западных политологических теорий, раскрывающих его системно-функциональные, поведенческие, социально-психологические, институциональные и другие аспекты.

В отечественной политической науке история изучения политического участия практически единодушно разделяется на два этапа: до и после 1991 года [11; 12; 23]. В советский период данная проблема рассматривается с классовых позиций, при этом акцентируется внимание на политической активности различных социальных групп, росте политического участия трудящихся по мере развития социалистического общества и т. п. Как отмечает М. Р. Холмская, «принципиальный недостаток работ на данную тему заключался в концептуальной заданности научных результатов, базировавшихся во многом на статистике, оторванной от реального политического процесса» [23, с. 173]. Западные «буржуазные» концепции политического участия при этом закономерно подвергаются критике с марксистских позиций. Постсоветский период, напротив, характеризуется популяризацией западных концепций и попыткой их адаптации к реалиям современного российского общества, интерпретации их положений в контексте политического транзита. По словам М. Р. Холмской, многим современным теоретическим работам, по сути ограничиваемым изложением концепций западных авторов, в той или иной степени присущи компилятивность, вторичность. По ее мнению, познание содержания феномена политического участия применительно к политическому пространству России только начинается [23, с. 176]. Реальный вклад в разработку проблем политического участия, по нашему мнению, вносят прикладные отечественные исследования, посвященные изучению как его структурных характеристик – уровней, видов, типов, форм и т. п., так и детерминирующих его факторов.

Структура политического участия в настоящее время как в отечественной, так и в зарубежной политической науке представлена большим количеством классификационных моделей, построенных на разных основаниях. Достаточно очевидным является, в частности, выделение типов, различающихся по характеристикам субъекта, самостоятельности либо институционализированности политического участия. В этом смысле дифференцируются индивидуальное и групповое, организованное и неорганизованное, самостоя-

тельное и несамостоятельное, свободное и принудительное, автономное и мобилизованное политическое участие. В некоторых работах противопоставляются также прямое, непосредственное участие (например, в собраниях и голосовании) и опосредованное, осуществляемое через избранных представителей. М. Р. Холмская в своем теоретическом обзоре разделяет, в частности, участие в выборах и участие в деятельности политических партий и общественных организаций [23]. Аналогичную позицию занимает и А. В. Кравцова, которая основным критерием классификации форм политического участия в современном обществе называет уровень включенности субъектов в политическую деятельность. На основании этого критерия ей выделяются две формы политического участия: электоральное – периодическое, не выходящее за рамки участия в выборах, и партийное, являющееся регулярным и проявляющееся членством в партии, участием в политических компаниях и т. п. [12]. Несмотря на важные смысловые оттенки используемых данными авторами терминов и неполное совпадение приведенных типологий, рассматривающих в качестве основного дифференцирующего признака политического участия, уровень его институционализации – от разовых, стихийных акций до постоянного участия в деятельности высокоинституционализированных политических организаций, – их все же можно условно отнести в одну группу.

Другой важной характеристикой политического участия является степень активности его субъектов. Так, в типологии Л. Милбрата в порядке возрастания вовлеченности в политику выделяется «апатичная публика», а также «наблюдательская», «переходная» и «гладиаторская активность». «Наблюдательская активность» подразумевает пассивное реагирование на политические стимулы, участие в политических дискуссиях и голосование. «Переходная активность» включает в себя посещение собраний или митингов, финансирование партии или кампании, общение с политическими лидерами и представителями власти. Под «гладиаторской активностью» понимается исполнение роли активиста политической партии, участие в выработке партийной стратегии, участие в политической кампании, занятие руководящих постов в органах власти. Данные виды активности представляют собой вертикальную иерархию, где высокий уровень вовлеченности в политику предполагает активную деятельность и на более низких уровнях [9; 15]. Феномен политической пассивности, безучастия или абсентеизма, в ряде случаев рассматривающийся отдельно как особая форма политического участия, фактически также выделяется по критерию активности и соответствует ее «нулевому» уровню.

Еще одной принципиальной характеристикой политического участия является степень его конвенциональности, т. е. соответствия существующим в обществе нормам и правилам. Конвенциональное участие понимается как легитимное, «санкционированное», «нормальное», отвечающее особенностям политической культуры того или иного общества и не нарушающее «нормального хода демократических политических процессов» [7, с. 149]. С. Вербя и Н. Най выделяют ряд отдельных форм такого конвенцио-

нального участия: участие в собраниях или съездах; участие в выборах различного уровня; агитация участия в выборах; поддержка тех или иных партий или кандидатов во время предвыборной кампании; финансовая поддержка партии или кандидата во время избирательной кампании; участие в деятельности общественных организаций; членство в политической организации; взаимодействие с представителями власти по тем или иным вопросам и др. [1]. Неконвенциональное или протестное участие, включающее, соответственно, «несанкционированные», нелегитимные и насильственные действия, в ряде случаев может и не противоречить правовым нормам, однако вследствие «экстраординарности» не является частью повседневного, «естественно протекающего» политического процесса и оказывает дестабилизирующее воздействие на политическую систему [4]. К неконвенциональным формам относят подписание петиций, бойкот выборов, участие в неразрешенных демонстрациях, отказ от уплаты налогов, блокирование дорожного движения, участие в стихийных забастовках, акции гражданского неповиновения, голодовки, захват зданий, участие в мятеже и т. п. [15; 23]. Очевидно, что все перечисленные формы политического участия одновременно различаются и по своей активности: можно сказать, что степень конвенциональности/неконвенциональности коррелирует со степенью активности участников.

В этой связи наибольший интерес представляют типологические модели политического участия, построенные одновременно на нескольких признаках, т. е. интегрирующие различные основания для классификации. Так, в представлении А. Марша по степени активности варьируются как конвенциональные (от абсентеизма до участия в деятельности политических организаций), так и неконвенциональные (от подписания петиций до политического экстремизма) формы [9]. В типологии М. Каазе и А. Марша в зависимости от активности, а также конвенциональности либо неконвенциональности выделяется пять групп по преобладающим формам участия:

- «неактивные», никак не участвующие в политике;
- «конформисты», принимающие участие в конвенциональных формах;
- «реформисты», активно участвующие преимущественно в конвенциональных формах;
- «активисты», активно использующие как конвенциональные, так и неконвенциональные формы участия;
- «протестующие», активно участвующие в неконвенциональных формах [28].

Таким образом, к числу основных структурно-содержательных характеристик политического участия можно отнести степень его институционализированности, уровень активности и степень конвенциональности. Эти базовые характеристики, выступающие критериями, позволяющими выявить специфику политического участия тех или иных рассматриваемых групп, выступают, соответственно, и «единицами анализа», параметрами, подлежащими оценке в рамках политологического исследования.

Выраженность данных параметров в тех или иных группах, также как и их качественное своеобразие, определяются совокупным действием целого ряда факторов. Д. В. Гончаров называет три основных фактора, детерминирующих особенности политического участия: индивидуализированные условия социализации, мобилизация индивидов со стороны организованных политических сил, социально-экономическое развитие соответствующей общности [5]. Мы полагаем, что все детерминанты политического участия могут быть представлены в виде иерархической системы, где факторы более высокого порядка определяют выраженность и характер действия нижележащих факторов. В качестве основных уровней такой системы условно можно выделить политические, социальные и индивидуальные факторы.

Наиболее обобщенным фактором политического участия, очевидно, является его объективная и субъективная эффективность, т. е. наличие реальной возможности оказать влияние на принимаемые властью решения и вера в такую возможность. Как пишет Э. Клюенко, «по общему признанию исследователей, среди различных факторов, влияющих на участие в политике, наиболее важна политическая эффективность – ощущение гражданами возможности влиять на политический процесс. В противном случае снижается уровень политического участия и, более того, как показывают эмпирические исследования, создается благоприятная почва для усиления протестных установок» [11, с. 57]. Таким образом, отсутствие подавления политического участия или его запрета, наличие «конвенциональных каналов», т. е. легальных возможностей его осуществления, свойственные демократическому типу общественного устройства, оказываются решающим условием. В этой связи А. В. Кравцова в своем исследовании приходит к вполне очевидному выводу, что одной из основных предпосылок развития политического участия является процесс демократизации, в частности – реализация политических прав и свобод, свободные конкурентные выборы, открытая конкуренция за право влиять на смену власти, на процесс формирования правительства и выработку политического курса [12]. В еще более широком ключе политическое участие рассматривается как обусловленное традиционным социокультурным контекстом данного общества, спецификой его социально-политического развития, а также особенностями национальной политической культуры [5; 15; 23; 24]. Таким образом, решающим фактором политического участия на макроуровне является уровень развития демократических институтов и особенности их функционирования в условиях той или иной политической культуры, а также субъективное отражение в сознании объективных характеристик политического устройства, выражающееся, в частности, в представлениях о власти и обществе и в отношении к ним.

К факторам социального уровня различные авторы относят уровень дохода, социальный статус, пол, возраст, образование и другие социально-демографические характеристики. Классической теорией, рассматривающей факторы политического участия, является «средовая» или «ресурсная» модель

С. Вербы и Н. Ная, демонстрирующая зависимость участия в политике от социального статуса: по данным авторов, наиболее активно в политической жизни участвуют представители высокостатусных и средне-статусных социальных групп [1]. Большинство исследователей сегодня сходятся во мнении, что повышение политического участия прямо связано с ростом материального благосостояния, а самыми аполитичными оказываются группы с наименьшими доходами. К участию в политике также заметно более склонны работающие, мужчины, молодежь, а также лица с высоким уровнем образования [5; 15; 23]. При этом, по мнению целого ряда как зарубежных, так и отечественных авторов, политическое участие наиболее устойчиво, тесно и положительно коррелирует именно с уровнем образования, определяющим, в свою очередь, уровень политической компетентности граждан [11, с. 57]. Заметим, что уровень полученного образования сегодня во все большей степени также определяется экономическим положением и социальным статусом.

В качестве факторов индивидуального уровня чаще всего рассматриваются «выгода», т. е. польза, индивидуально значимые результаты политического участия, а также внутренние побудители различной, в том числе и социально-политической активности – потребности и мотивы, социальные установки и ценностные ориентации. В частности, «теория рационального выбора» объясняет действия человека, прежде всего, коллективные, как рациональные, направленные на получение конкретным политическим актором максимальной «выгоды» при минимально возможных затратах, как реализацию имеющихся возможностей, исходя из собственных целей и соответствия своим желаниям. Е. Ю. Мелешкина разделяет подобные «выгоды», позитивные результаты политического участия на три категории: «инструментальные», позволяющие решить те или иные проблемы посредством политического участия; «развивающие», т. е. образовательные, предполагающие изменение акторов с помощью приобретения ими новых ценностей, установок, знаний и навыков; «экспрессивные», заключающиеся в политической идентификации с какой-либо группой, а также в повышении самоуважения [15].

Сходным же образом могут быть разделены и мотивы политического участия, рассматриваемые в ряде его социально-психологических концепций. Так, выделяются мотивы обладания властью или контроля над другими людьми; мотивы достижения (цели, успеха, избегания неудачи); мотивы аффилиации (налаживание теплых, дружественных отношений с другими). Э. Клюенко разделяет концепции, анализирующие мотивы политического участия, на неполитические (инструментальные), восходящие к теории рационального действия, когда участие в политике трактуется как «рационально-эгоистическое» средство решения собственных проблем, повышения статуса, престижа, доходов, удовлетворения потребностей в общении, в ощущении собственной значимости; а также собственно политические, основанные на «активистской модели» участия Г. Алмонда и С. Вербы, где политическое участие объясняется высоким уровнем

нем сформированности политического самосознания, чувством долга, гражданской позицией и т. д. [11, с. 58].

К социально-психологическим теориям политического участия может быть отнесена и так называемая «ценностная модель». Хотя А. Маслоу фактически не разделяет мотивы и ценности, большинство авторов полагает, что в отличие от мотивов, которые всегда сиюминутно «эгоистичны», «корыстны», ценностные ориентации связаны с устойчивыми убеждениями, и, кроме того, не только индивидуальны, но и социальны по своему происхождению и содержанию. Двойственный характер ценностей, выступающих связующим элементом между индивидуальным и общественным сознанием, позволяет рассматривать их в качестве интегративного фактора, высшего регулятора политического поведения, детерминирующего характер и степень вовлеченности в политическую жизнь. В этом контексте ценностные ориентации понимаются в концепции Р. Инглхарта, согласно которой именно произошедший в западных обществах «сдвиг к ценностям постмодерна» обусловил приоритетность личного политического участия и самовыражения [8]. В современных отечественных исследо-

ваниях ценности также понимаются в качестве основных детерминант политического поведения. Так, М. С. Яницкий, рассматривающий ценности в структуре социально-политических установок личности, определяющих ее политический выбор, показывает, что «ценностные ориентации детерминируют различные проявления политической активности, определяя, в частности, характер и направленность участия в конкретных формах выражения общественного мнения, деятельности общественных движений и политических партий, а также особенности электорального поведения» [27, с. 175].

Таким образом, модель исследования политического участия тех или иных социальных общностей должна включать одновременно оценку как его содержательных показателей, таких как уровень институционализированности, активности и конвенциональности, выступающих в качестве зависимых переменных, так и определяющих их выраженность факторов: представлений о власти и обществе и отношения к ним; социально-экономических и социально-демографических характеристик; мотивов и ценностных предпочтений.

Литература

1. Алмонд, Г. А. Гражданская культура и стабильность демократии / Г. А. Алмонд, С. Верба // Полис. – 1992. – № 4 – С. 122 – 134.
2. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 376 – 644.
3. Барбер, Б. Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности / Б. Барбер // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. – М., 1972. – С. 235 – 247.
4. Гарр, Т. Р. Почему люди бунтуют / Т. Р. Гарр. – СПб.: Питер, 2005. – 461 с.
5. Гончаров, Д. В. Теория политического участия / Д. В. Гончаров. – М.: Юрист, 1997. – 208 с.
6. Грачев, М. Н. Политическое участие / М. Н. Грачев // Зарубежная политология: Словарь-справочник / под ред. А. В. Миронова, Г. А. Цыганкова. – М.: Социально-политический журнал, Независимый открытый университет, 1998. – С. 239 – 241.
7. Дай, Т. Р. Демократия для элиты: введение в американскую политику / Т. Р. Дай, Л. Х. Зиглер. – М.: Юридическая литература, 1984. – 320 с.
8. Инглхарт, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества / Р. Инглхарт // Полис. – 1997. – № 4. – С. 6 – 32.
9. Карпова, В. С. Интерес к политике: формы вовлеченности, динамика и результат / В. С. Карпова // Политико-психологические проблемы исследования массового сознания / под ред. Е. Б. Шестопал. – М.: Аспект-Пресс, 2002. – С. 55 – 91.
10. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология; под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 494 – 505.
11. Ключенко, Э. Политическое участие: теория, методология и измерение с применением метода шкалограммирования по Гуттману / Э. Ключенко // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2005. – № 4. – С. 46 – 72.
12. Кравцова, А. В. Политическое участие в условиях демократизации российского общества: дис. ... канд. полит. наук / А. В. Кравцова. – Ставрополь, 2008. – 186 с.
13. Ловелл, Д. У. Доверие и политика в посткоммунистическом обществе / Д. У. Ловелл // Pro et contra. – 2002. – Т. 7. – № 3. – С. 147 – 162.
14. Манхейм, К. Человек и общество в эпоху преобразования / К. Манхейм // Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – С. 277 – 411.
15. Мелешкина, Е. Ю. Политическое поведение / Е. Ю. Мелешкина. – Режим доступа: // <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0126694: article>
16. Мертон, Р. К. Явные и латентные функции / Р. К. Мертон // Американская социологическая мысль: Тексты. – М.: Изд-во Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996. – С. 393 – 461.
17. Смелзер, Н. Дж. О компаративном анализе, междисциплинарности и интернационализации в социологии / Н. Дж. Смелзер // Социологические исследования. – 2004. – № 11. – С. 3 – 12.
18. Сорокин, П. Социальная и культурная мобильность / П. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 297 – 424.

19. Сунгуров, А. Ю. Публичная политика как поле взаимодействия и как процесс принятия решений / А. Ю. Сунгуров // Публичная политика. – СПб: Норма, 2006. – С. 7 – 14.
20. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
21. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Ю. Хабермас. – М.: Academia, 1995. – 256 с.
22. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
23. Холмская, М. Р. Политическое участие как объект исследования (обзор отечественной литературы) / М. Р. Холмская // Полис. – 1999. – № 5. – С. 170 – 176.
24. Шевченко, Ю. Д. Политическое участие в России / Ю. Д. Шевченко // Pro et Contra. – 1998. – № 3. – С. 87 – 97.
25. Шестопал, Е. Б. Психологический профиль российской политики 1990-х / Е. Б. Шестопал. – М.: РОССПЭН, 2000. – 431 с.
26. Этциони, А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / А. Этциони. – М.: Ладомир, 2004. – 343 с.
27. Яницкий, М. С. Ценностное измерение массового сознания / М. С. Яницкий. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. – 237 с.
28. Kaase, M. Political Action Repertory / M. Kaase, A. Marsh // Political action: Mass Participation in Five Western Democracies; Ed. by Barnes S., Kaase M. Beverly Hills. – London, 1979. – P. 153 – 155.

Информация об авторе:

Пфетцер Сергей Александрович – ассистент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий, начальник управления социальной и воспитательной работы КемГУ, 8 (3842)-58-10-25, pfetzer@mail.ru.

Sergey A. Pfetser – Assistant Lecturer at the Department of Social Psychology and Psycho-Social Technologies, Head of the Department for Social and Educational Work, Kemerovo State University.